

ЖИЗНЬ КАК СОН

Жить стало лучше, жить стало веселей

Иосиф Сталин

Почему же снятся мне опять детство, школа № 35

Адольф Берлин

Идем в школу №35, где три года училась Лолита. Улица Шухевича, 2. До 1944 года в этом здании располагались суд и тюрьма, а потом стали учить детей.

- К сожалению, весь наш архив уничтожили в 1991 году, - огорчается директор школы Михаил Владимирович, - сожгли и классные журналы, и фотографии. Видимо, так хотели избавиться от любого напоминания о Советском Союзе.

Теленеделя октябрь 2009 г.

Монастырь кармелитов обутых

...находился в районе современной улицы Князя Романа (советское название - Ватутина, в польское время - Батория). Монастырь был основан в 1614 году. Он представлял важное звено обороны, находившееся вне собственно городских стен, наряду с монастырями бернардинцев, Святого Лазаря, Святой Магдалены и собором Святого Юра. Во время осады Львова войсками Богдана Хмельницкого этот монастырь был взят штурмом 9 октября благодаря помощи одного из ремесленников-русинов. При обороне монастыря погибло около 400 человек, которые были позже захоронены в монастыре кармелитов босых.

Википедия

В 1789 году использовался под фабрику шелковых тканей

В 1809-1839 году использовался под тюрьму

В 1876 году к корпусу монастыря пристроено здание бывшей гимназии имени Франца Иосифа (**35 средняя школа**)

Сон первый - лирический

Адольф Берлин

Сочинение на заданную тему

Лине

Почему же снятся мне опять детство, школа N 35?

В далёком детстве время было долгим,
его всегда на всё с лихвой хватало,
а год казался длинною дорогой в большую жизнь,
навстречу идеалам.

Кипело в нас желаний изобилье,
запреты разжигали жажду нашу.
Мы медленное время торопили,
мечтая стать хотя бы на год старше.

Но юность быстро время спрессовала,
заметно сократились расстоянья,
пяти минут порой не доставало,
зато всегда имелось оправданье.

А в зрелом возрасте случайно замечаем,
что ход часов давно сменился бегом.
Нам времени настолько не хватает,
что финиш завершается разбегом.

С годами, как ни странно, дни и ночи
становятся короче и короче,
бег времени быстрее и быстрее
и это ощущение острее.

Мелькают в хороводе дни, недели,
и месяцы проходят мимоходом.
Уже под снегом крыши побелели,
и горделиво ели поседали.
Опять мы на год старше... С Новым годом!

Чем дальше и стремительнее удаляешься от детства (даже если оно было далеко не счастливым, как у нас, детей Отечественной войны), тем явственнее проявляется чувство запоздалой вины перед своими первыми учителями и одноклассниками... За то, что прекратились контакты, оборвались связи, что постепенно новые приоритеты затенили, перекрыли прежние школьные привязанности, опрометчиво показавшиеся наивными и не нужными в новой, взрослой жизни. За то, что в этой новой, чуть более свободной реальности школа представлялась нам повзрослевшим, чуть ли не анахронизмом. Гораздо позднее пришло осознание того, что, если у меня и были какие-то достижения в научной и педагогической деятельности, то именно школа заложила их фундамент. Закованная в идеологические цепи, опутанная компартийными догмами, школа всё же как-то умудрилась вложить в нас то, что помогло нам плыть дальше в мутном потоке времени и не дало оступиться на непростых и скользких дорожках тех лет.

Как молодость эгоистична, -
лишь бы поспеть на вираже.
Дай Бог, чтобы проснулась личность,
не дай Бог очерстветь душе
и гавань памяти покинуть
Себя так просто оправдать,
Забвенью выдумать причину,
молчанью повод отыскать.

Но прошлое необратимо, не отпускает нас грехи.
А годы пролетели мимо, уж некому отдать долги...

* * *

Толчком к написанию этих воспоминаний явилась просьба создателя сайта эмигрантов из Львова Александра Толчинского, который, как оказалось позже, учился в той же школе, что и я, только через несколько (страшно произнести!) поколений. Когда он узнал, что я был в составе первого, полного послевоенного выпуска учащихся школы, проучившихся в ней все 10 лет, то попросил поделиться воспоминаниями о тех временах, поскольку я был первым, таким внезапно ожившим ископаемым "мамонтом", откликнувшимся на появление этого сайта.

Я оказался во Львове вскоре после его освобождения от фашистов потому, что эвакогоспиталь, в котором работала моя мать, в 1944 г. перевели из Казани (куда была эвакуирована наша семья) в только что освобождённый от немцев Киев, а вскоре после этого - во Львов. Из Киева до Львова наш состав добирался несколько недель, пропуская воинские эшелоны, ехавшие в обе стороны. В то время я обожал поезда, вагоны-теплушки, походную жизнь в них, возможность часами смотреть через приоткрытую дверь вагона на таинственную жизнь там, за железнодорожным полотном. Но всё хорошее почему-то всегда кончается, и наш состав где-то в октябре 1944 года прибыл во Львов. Первое, что поразило нас на перроне, были высокие горы немецких пулемётов, автоматов, винтовок, пистолетов, мин, сваленных в кучи в форме пирамид прямо на земле возле рельсов. Рядом с этим оружием важно прохаживался часовой с винтовкой наготове. Мы, мальчишки, с вождением смотрели на это богатство под открытым небом, боясь приблизиться к нему. Вначале нас поселили в общежитии, но вскоре мы переехали в свою первую львовскую квартиру в центре города. До прихода Красной Армии в ней проживал врач-рентгенолог: в одной из комнат, служившей кабинетом, стояло рентгеновское оборудование, а весь пол был устлан конвертами, письмами и открытками с надписями на непонятном языке и с марками с

изображением фюрера. С каким наслаждением я сжигал их в печке, не подозревая об их филателистической ценности. В городе ещё не было ни одной русской школы, так что я наслаждался вынужденным бездельем, изучая окрестные улицы и скверы. Город мало пострадал во время войны: в 1941 году наши войска в спешке оставили Львов, боясь окружения, а в 1944 году ситуация повторилась с точностью "до наоборот". Сильные бои прошли рядом, в районе Тернополя, который почти весь был разрушен, а в центральной части Львова было лишь несколько домов, пострадавших от попадания авиабомб. Но радость моя была недолгой: в ноябре, вскоре после октябрьских праздников мама принесла "радостную" весть о том, что в здании польской гимназии, расположенной поблизости от нашего дома открывается один первый класс для мальчиков, с русским языком обучения.

На следующий день я уже был в школе. Класс был расположен на первом этаже, почти в конце длинного коридора.

На переменках в коридорах бегали гимназисты, что-то не очень дружелюбное кричали на польском языке, задирали нас, бесцеремонно вторгнувшись в их гимназию. Вскоре в наш класс пришла новая молодая учительница Анна Андреевна Жогова, сменив нескольких случайных учителей, преподававших до неё. Как мы узнали позже, она после окончания педучилища, давшего ей право преподавания в 1-4 классах, одновременно с нами училась, но на вечернем факультете пединститута, на физико-математическом отделении. Нам она сразу понравилась, хотя теперь я понимаю, что ей без педагогического опыта было не легко с более чем сорока сорванцами. Тем более что у половины из нас отцы не возвратились с войны, матери же работали тяжело и подолгу, и мы их редко видели. Хорошо если в семье была бабушка, как у меня (дедушки редко у кого были).

Жили мы бедно: на зарплату медсестры-матери, мизерную пенсию бабушки и моё пособие за погибшего отца. Но мне казалось - нормально: так жили очень многие мои однолетки. Продукты и предметы первой необходимости, впервые очередь, одежду и обувь, продавали по карточкам. Мы почти все были одеты кое-как, в перелицованную по несколько раз одежду, часто перешитую из взрослой. Но благодаря стараниям мамы и бабушки я всегда был одет во всё целое, чистое и выглаженное. Никто

тогда не стыдился заплаток, заштопанных носков и рукавиц, - почти все так одевались. Каждый должен был приносить с собой в школу чернильницу, - чернила (разreshались только фиолетовые) можно было долить в классе из большой бутылки. Для чернильниц были предназначены специальные углубления в партах с откидывающимися крышками, под которыми располагались портфели и прочие наши пожитки. Как здорово было стучать этими крышками на переменах, имитируя ударные инструменты! Перед началом каждого учебного года верхние части парт выкрашивали в смолисто-чёрный цвет, а остальные - в коричневый. Чернильницы мы часто забывали дома, иногда специально: хотя они и назывались не проливающимися, но часто проливались в наших портфелях, которые служили и щитом, и орудием нападения, и санками зимой. В этом случае приходилось поминутно оборачиваться назад, чтобы воспользоваться чернильницей сидящих сзади (в этом смысле сидеть на последней парте было не выгодно, - некуда оборачиваться). С сидящими сзади следовало не портить отношения, иначе могут внезапно забрать чернильницу, и ручка с пером неизбежно вонзится в дерево парты. В отместку владельцу чернильницы на перемене могли подсыпать в неё карбид, дававший двойной эффект: неприятный запах порченого яйца и обесцвечивание чернил. Мака́ть ручку в чернильницу приходилось очень часто. Авторучки (мы называли их самописками) появились гораздо позже, и то у редких учеников из семей партийного и хозяйственного актива. Думаю, что именно "оборачивающиеся" изобрели приспособление, сделавшее подлинный переворот в процессе письма простой ручкой. Оно представляло собой нечто вроде самодельной пружинки с усиками на концах, один из которых петлёй охватывал кончик пера, а другой - его шейку. Делали эту пружинку из тонкой медной проволоки, которую навивали на гвоздик. Чернила попадали внутрь пружинки, так что писать таким пером было сплошным удовольствием, потому что одно макание в чернильницу позволяло написать уже несколько предложений, а не слов. Правда, резко возрастала вероятность поставить кляксу в тетрадь.

В один прекрасный день польские гимназисты куда-то исчезли из стен здания, появились старшие классы и доска с надписью "Средняя школа N35" возле парадного входа, который тут же закрыли, и все пользовались чёрным входом со двора. Позже я неоднократно сталкивался с этим необъяснимым желанием властей перекрывать парадные двери с очевидной целью, чтобы люди использовали чёрные ходы - и в прямом смысле, и ещё чаще в переносном. Быть может, это объяснялось стремлением властей заставить народ постоянно искать обходные пути, чтобы каждый чувствовал за собой "грешки" перед властью имущими. Ведь часто без нарушений диких, многочисленных и тщательно скрываемых от простого люда законов, подзаконных актов и инструкций просто невозможно было прожить.

Сколько раз потом, во "взрослой" своей жизни мне снился один и тот же сон о том, как я вхожу в школьное здание (всегда через парадный вход), поднимаюсь по широкой, раздваивающейся выше первого пролёта, светлой лестнице на второй этаж и долго брожу по коридорам в поисках чего-то... Чего? Не знаю. Думаю, я искал там своё детство.

Моему брату Юре В.

Ткань судьбы вплетены разноцветные памяти нити,
воедино мозаику жизни скрепляют они.

С нами рядом всегда отраженья людей и событий,
о которых мы бережно светлую память храним.

От забот, от тревог, от тоски никуда нам не деться.

Оставляет безумная гонка лишь щепки вокруг...

И тогда принимает нас гавань далёкого детства,
утешает и лечит, бросает спасательный круг.

Вспоминаем мы детство нередко с улыбкой сквозь слёзы,

Нас влечёт туда память и не выпускает из рук.

Помнишь запах белья, занесённого мамой с мороза,
не сравнимый ни с чем, не подвластный словам и перу?

Обращаемся к памяти мы, когда нужно согреться,
а реальность сурова, безжалостна и холодна.
И как манит к огню, мы душой устремляемся в детство,
в чистоту и беспечность, в прозрачность до самого дна.

В подвале школы устроили раздевалку (а может быть, она была там и в гимназические времена), в тёплую погоду перемены мы проводили во дворе. В то время было раздельное школьное обучение, сохранившееся до нашего выпуска - до 10-го класса: советская власть строго следила за нравственностью подрастающего поколения и почему-то считала, что такое обучение будет способствовать нашей сосредоточенности на учёбе. Зимой в классах было холодно. Проблемы были со всем: не хватало учебников (какое счастье было иметь собственную книгу!), прописей, тетрадей, карандашей, циркулей, ручек, перьев, резинок. Дефицит на тетради менялся от четверти к четверти: то на тетради в клеточку, то в линейку, то в косую линейку. Донимало чистописание, для которого предназначались прописи и орудия пытки в косую линейку: в 1-м классе в три линейки, потом (какое счастье) в две и, наконец, в одну. Следили за нажимом, который получался только с остро дефицитным 86-м пером. Тетради исписывали до умопомрачения каллиграфическим почерком (портившимся мгновенно в старших классах), боролись с кляксами.

Столько времени и сил было израсходовано на это, как оказалось позже, пустое дело. Если бы подсчитать, сколько их потрачено впустую за все годы учёбы на изучение никому не нужного и никогда не пригодившегося потом!

Запомнился День Победы, радость на лицах, салют, надежды (неоправданные) на возвращение отцов и лучшую жизнь. В третьем классе (1946г.) появилась вторая учительница Лидия

Тимофеевна Бабич, мы начали изучать украинский

3 "А" класс, 1947 г.
Учитель: Анна Андреевна Жогова
и Лидия Тимофеевна Бабич

язык.

На углу возле школы была трамвайная остановка, и хотя от школы до моего дома было пять минут ходьбы, было трудно удержаться не проехать на трамвае одну остановку "зайцем". Я старался с шиком спрыгнуть на ходу на повороте трамвайной линии, где трамвай замедлял свой ход.

Троллейбусная линия появилась во Львове гораздо позже и проходила от памятника Мицкевичу до железнодорожного вокзала. Люди приходили всей семьей покататься на новом, тихом виде транспорта (но это было уже в 50-е годы). Наиболее отчаянные из нас умудрялись ездить на трамвайной "колбасе" - выступе сзади вагона, к которому можно было прицепить другой вагон. Так можно было доехать даже до ул. Дзержинского. Ехать дальше побаивались: там размещалось зловещее здание НКВД. (Анекдот тех лет: "Какой дом во Львове самый высокий?". Ответ: "Здание НКВД, из него Сибирь видна". Кстати, за такую шутку можно было схлопотать срок). Именно с этим учреждением связан запомнившийся мне разговор с моей матерью, пришедшей однажды с работы очень расстроенной. Она рассказала, что арестовали учившегося в 10-м классе сына медсестры их госпиталя, у которого отец тоже погиб на фронте. Тот готовился к экзамену по истории СССР с несколькими одноклассниками и обратил внимание на какое-то противоречие между высказываниями Ленина и Сталина. На следующий же день все они, кроме одного, были арестованы.

Впоследствии состоялся закрытый суд, на который допустили только матерей подсудимых. Они получили по 10 лет

лагерей. Мама умоляла меня не "ляпнуть" чего-то лишнего в школе, не передавать никому то, что я могу услышать дома. Так нам имплантировался культивированный системой ген страха, заставлявший подозревать в каждом возможного доносчика.

Ночами было беспокойно, временами слышались выстрелы: советская власть пыталась сломить сопротивление украинских националистов("бандеровцев").

Для нас не представляло большого труда достать патроны, найти мины военного времени советского и немецкого производства. Из них доставали тол и наблюдали, как он, плавясь, медленно горит и не взрывается (на наше счастье, эти мины, обезвреженные сапёрами, были без взрывателей; а сколько мальчишек, которым повезло меньше, погибло и осталось калеками!). Однажды в районе Лычаковского кладбища (куда нам категорически запрещали заглядывать, так как по слухам там, в склепах прятались бандеровцы) нашли странный чёрный, блестящий, похожий на мелкий антрацит порошок.

Нашедший его мальчик из нашей компании набил этим порошком карманы и даже насыпал часть за пазуху. На поляне решили выяснить, порох ли это: парень высыпал порошок из-за пазухи на землю, а кто-то бросил спичку. Загорелся громадный костёр и остатки пороха в карманах. Когда мальчишка выписался из больницы, больно было смотреть на его покрытое рубцами тело. Прозвище "Жжёная кожа" надолго прилипло к нему.

О таких вещах, как велосипед, коньки или лыжи мы даже не мечтали. Мастерили себе зимой подобие стоячих санок из гладкой хитро изогнутой углом арматуры: параллельные концы её служили полозьями, на которые ставили ноги, а держались за высокий изгиб. На таких "санях" катались стоя и устраивали гонки с обледенелой горки. Гоняли по улицам металлические обручи с помощью толстой проволоки, охватывающей его с двух сторон и переходящей в длинную ручку. Летом делали себе шумные самокаты из досок и двух подшипников и для катания на них разыскивали заасфальтированные участки улиц, что было тогда редкостью: улицы Львова были покрыты, в основном, брусчаткой, а тротуары - небольшими каменными плитками. Ночью улицы освещались газовыми фонарями. Мы обожали сопровождать фонарщиков, когда те зажигали фонари. Для этого

предназначались длинные шесты с маленьким факелом наверху. Фонарщик поворачивал концом шеста рычажок крана, потом подносил к месту выхода газа огонь, пламя газа раскаляло специальную сетку. А мы становились свидетелями маленького чуда, когда фонарь начинал светить, вначале едва-едва, а потом всё ярче и ярче. В большинстве зданий города было печное отопление. В некоторых домах типа "люкс" кафельные печи были настоящими произведениями искусства. Топили дровами, углём и угольными брикетами (не самое лёгкое и приятное занятие). На дымоходах стояли заслонки, которые закрывали, когда топливо сгорало, чтобы печь не "выдувалась". Сколько смертельных случаев происходило из-за того, что заслонки закрывали слишком рано, когда в печи оставалось ещё не до конца выгоревшее топливо, и все люди в квартире отравлялись угарным газом! Потом провели массовую газификацию: к печам подвели газ из Дашавского месторождения, а заслонки поснимали. Но в результате начались взрывы домов из-за утечки газа, не имевшего ни запаха, ни цвета. Тогда стали в газ добавлять специальные вещества-одоранты с ужасным запахом, который в случае утечки газа можно было уловить сразу. Взрывы домов стали происходить реже.

Увлечения носили характер эпидемий. Были периоды повальной увлечённости играми: в "пристенки", в "жестку" (кто дольше может подбрасывать боковой поверхностью ботинка кусочек меха с прикрепленным к нему свинцом), в футбол, в "морской бой", в два варианта "крестиков-ноликов", позднее в шашки и шахматы. Игре в последние я научился, наблюдая за игрой раненых в мамином госпитале, где я проводил массу свободного времени. Потом прошла волна коллекционирования наклеек спичечных коробков, монет, марок, открыток (вот когда я пожалел о легкомысленно сожженных конвертах и открытках рентгенолога). В третьем классе отличников и "хорошистов" в виде поощрения приняли в пионеры, а в четвертом - скопом всех остальных. Сначала мы с гордостью носили красные галстуки с удобными блестящими никелированными зажимами. Потом вдруг их запретили: какому-то чиновнику пришло в голову, что зажимы якобы символизируют кандалы на красном знамени, частицей которого являются галстуки. По такой же схеме позже, в 8 - 9 классах всех приняли в комсомол; не охваченным остался

только один ученик (поговаривали, что его дед был митрополитом Крыма). До 4-го я учился в "А" классах, в пятом перешли на предметную систему преподавания, появился иностранный язык: французский или немецкий.

5 "Г" класс, 1949 г. (слева направо)

1-й ряд: Владимир Сорокин, Олег Смирнов, Ильин, Владимир Жигмечук, Вайнер, Николай Малцан, Адальф Берлин, Бахмет, Юрий Гай, Леонид Герский. 2-й ряд: Юрий Никифоров, ?, Иосиф Мильман, ?, В.Н. Евстратова, Тарасенко, Капылевич, ?, Шулькер. 3-й ряд: Евгений Дидковский, Гук, ?, Другов, Александр Ирлин, Петроз, Тищенко. 4-й ряд: Стрельников, Паменин, ?, ?, Потоки, Савожинов, ?, Самойлов.

Дома решили, что последний выучить полезнее, и я перешёл в 5 "Г" класс: в школе было целых четыре пятых класса. Учителя обращались к нам почти исключительно по фамилиям, и мы в общении между собой переняли это, что потом вошло в привычку, так что имён многих одноклассников мы непомнили и даже не знали.

В классах появились не только львовские ребята, но и школьники из других городков области, дети пограничников и других военнослужащих тех гарнизонов ПрикВО, где не было русских школ. Жили они в интернатна ул. Гастелло (боковая от Пекарской). Многие из них, оторвавшись от родительской опеки, были зачинщиками всяких проделок и постоянной головной болью учителей, особенно Валентины Николаевны Евстратовой - нашего бессменного классного руководителя до 10-го класса и заступницы перед гневом директора и завуча. А после того, как кто-то из наших ребят выпрыгнул из окна класса, размещавшегося в том же правом крыле первого этажа, по счастливой случайности, прямо на голову как раз проходившего по улице директора школы, мы были удостоены особой чести: на окна нашего класса поставили решётки. До сих пор на фасаде

школьного здания только два окна первого этажа зарешёчены. Быть может, это - вместо мемориальной доски в честь "подвигов" учеников 5 "Г" класса образца 1947 - 48 гг.

С тех пор глядят по сторонам два зарешёченных окна

А смотрели эти окна на сквер на противоположной стороне улицы, лежащий прямо на моём пути из дому до школы. В нём я, меряя расстояния шагами, осуществил свой первый, "скверный" эксперимент, доказавший мне, что гипотенуза короче двух катетов. Как же я был удивлён, когда позже узнал, что это открытие сделано задолго до меня, и в геометрии даже существует знаменитая теорема об этом. Не здесь ли кроются истоки моего увлечения экспериментом, с чем была связана вся моя будущая научная деятельность на поприще другой науки - химии?

Урок ботаники с Фёдором Ефимовичем
Кузнецовым в Стрыйском парке,
5 "Г" класс, 1948 г.

В 1949 г., наконец, отменили карточную систему и объявили денежную реформу: старые деньги меняли на новые по курсу

10 к 1. Это было очередным беззастенчивым ограблением собственного народа. Газеты же захлёбывались от восторга и благодарности в адрес вождя и партии большевиков; писали, что у честных людей не может быть сбережений. Все бросились в магазины покупать любые товары из скудного перечня того, что продавалось без карточек. Так я стал обладателем большого глобуса, о котором раньше не мог даже мечтать. Ограбление людей продолжалось и потом в форме "добровольной" подписки на ежегодные государственные займы. Заставляли подписываться на месячную зарплату, уклонявшиеся рисковали свободой.

Не трудно себе представить, каково было отдать зарплату семье, едва сводящей концы с концами.

Самое большое лакомство того времени - продававшаяся прямо на улицах газированная вода (с сиропом, который при тебе наливали в стакан из мерных цилиндров, с двойным сиропом - для сладкоежек и богатеньких, и самая дешёвая "чистая" - без сиропа, как раз для нас), а также мороженое. Продащица укладывала хрустящую вафельку в специальное прямоугольное углубление хитрой жестянки, наполняла его мороженым из ящика с помощью ложки, сверху помещала вторую вафлю, движением поршня в ручке элегантно выталкивала холодное чудо и протягивала счастливцу. Позже в центре, возле кинотеатра "Украина" старушки-польки начали

недорого продавать бесподобные домашние пирожные: эклеры, трубочки, "наполеон". Мы не могли понять, почему это не нравится милиционерам. Самое большое развлечение того времени - кино. До конца 40-х годов во многих домах города располагались какие-то воинские подразделения. Во дворе такого дома часто окрашивали известью кусок наружной стены (служивший экраном), в определённые дни привозили киноустановку и "крутили" фильмы. Мы всеми правдами и неправдами проникали на киносеансы. Очень сожалели, что несколько раз за сеанс объявлялся перерыв на перезарядку киноаппарата. Сеанс часто прерывался и из-за обрыва старенькой плёнки (почему-то при этом киномеханика награждали обидным прозвищем "сапожник"). В Советском Союзе тогда снимали всего несколько фильмов в год, поэтому мы смотрели каждый из них по много раз, выучивая наизусть наиболее понравившиеся нам песни, фразы и выражения. Потом появились трофейные фильмы на непонятном языке с субтитрами. Захватывало дух от незнакомой жизни, свежей музыки, новых песен. Постепенно во Львове появлялись новые школы с русским языком обучения, и число классов уменьшилось. Так я, оставаясь практически с теми же ребятами, очутился в 6 "В" классе и до 10-го буква уже не менялась. После 7-го класса часть ребят ушла в техникумы и профтехучилища, классы стали менее переполненными.

В конце 40-х годов началась борьба с космополитизмом и преклонением перед Западом. Оказалось, что все великие открытия и изобретения во всех областях сделали наши соотечественники. В газетах появились разоблачительные статьи и фельетоны о безродных космополитах, носивших почему-то почти исключительно еврейские фамилии. Старшего брата моей знакомой чуть не исключили из комсомола и с юридического факультета Львовского госуниверситета лишь за то, что тот пришёл на занятия в берете, который привёз из Германии в качестве трофея и к тому же имел не славянскую фамилию. Возникло ощущение постоянной опасности, фальши и какого-то идиотизма, когда не представляешь себе, откуда ожидать неприятностей. Потом последовал разгром Еврейского антифашистского комитета, начавшийся после убийства великого Михоэлса, арест и расстрел целой плеяды представителей еврейской интеллигенции, в том числе лучших писателей,

пишущих на идиш и иврите. Эта кровавая антиеврейская истерия достигла пика в ходе пресловутого "дела врачей-отравителей", не завершившейся вторым Холокостом только благодаря смерти Сталина. Это был единственный период, когда мне не хотелось идти в школу: казалось, все смотрят на меня с подозрительностью и с осуждением. Всякая "общественная" работа была строго регламентирована и превращалась в обязательку. Обязательным было хождение всей школой на Первомайскую и Октябрьскую демонстрации. Вначале было интересно встречаться с ребятами из других классов и школ во внешкольной обстановке, но это мероприятие в сталинские времена растягивалось на целый день с утра до вечера (так как ВСЕ должны были продемонстрировать свою беззаветную любовь к партии и советской власти) и быстро надоедало.

Октябрьская демонстрация
А.А. Жогова и В.Н. Евстратова на
сборном пункте

В день смерти отца народов обком собрал весь город у памятника Сталину в Парке культуры и отдыха на траурный многочасовой митинг, куда мы явились в полном составе во главе с учителями, некоторые искренне рыдали. Было чувство растерянности, предчувствие чего-то страшного.

* * *

Ю.Ш. - умному и талантливому человеку, так и не избавившемуся от иллюзий

Нам с тобой повезло:
родились мы в великой державе,
на шестой части суши –
от Балтики и до Курил,
чем вначале ужасно гордились.
А жизнь продолжалась
среди тюрем и ссылок,
психушек и братских могил.

Нам с тобой повезло,
ведь прошло наше детство при Сталине.
Нас кормили, поили, растили, от страха дрожа.
К кровожадному мифу со
светлой мечтою приставлены,
мы с пелёнок учились
язык за зубами держать.

Нам с тобой повезло.
В многонациональной Отчизне
локоть "старшего брата"
мы все ощущали ребром,
знали всё о безродном космополитизме
и о братских народах,
нашедших в Сибири свой дом.

Нам с тобой повезло.
Обучали нас языкознанию,
кибернетику хаять, генетику шлюхою звать.
Вольно в песнях дышалось нам,
не приходившим в сознание,
очевидцам истории, подло повёрнутой вспять.
Нам с тобой повезло.
Как сверхмудрость звучали банальности.
Песни, фильмы и книги слагали про всякую чушь.
Жили мы много лет
в виртуальной стране и реальности,
сочинённой в бреде
"инженерами" поправленных душ.

Нам тобой повезло.
От рожденья мы глухонемые,
и вопросы приучены
лишние не задавать.
Так текла наша жизнь,
словно вялотекущая шизофрения.
Эта жизнь на цепи под наркозом
кого-то прельщает опять.

Подлый страх в нас сидит,
он внутри, он на уровне генов.
Как выдавливать рабство,
покорность, зашоренность, зло?
Сколько лет нужно ждать,
а скорее всего - поколений?
Нам с тобой повезло.
До чего ж нам с тобой повезло!

* * *

И всё же, вопреки зубодробительной системе, школа, как показало будущее, обеспечила нам довольно приличный уровень образования, особенно в точных науках. В нашем классе была группа увлекающихся ими ребят. Помню, в 9-10-м классах мы по своей инициативе изучали химию по вузовскому учебнику Глинки, геометрию и тригонометрию - по учебнику Адамара в переводе с французского. Там замучившие нас доказательства теорем, такие громоздкие и запутанные в наших учебниках, излагались элегантно и коротко. Учителя же избегали вызывать нас к доске, чтобы мы не забивали головы остальным ученикам заумными вещами, ограничивались отметками за контрольные работы. Гораздо хуже обстояло дело с гуманитарными дисциплинами и с биологией, излагающей исключительно "теории" и "достижения" школы "народного академика" Лысенко и преобразователя природы Мичурина. Буржуазную лженауку генетику нам предписывалось поносить, не зная о ней ничего. Изучение истории базировалось на классовом подходе, искажённой интерпретации событий и зазубривании огромного количества дат. Правда, и здесь находились талантливые

педагоги, умевшие превратить это скучное занятие в конкурс-соревнование. Один из них стал нашим учителем истории в 5-ом классе. Он пришёл на урок после фронта в полувоенной форме, с протезом вместо одной руки и стал учить нас с большим энтузиазмом. Больше всего нам нравилась история древнего мира. Мы с восторгом, по-военному отвечали "Здррра-жла!" на его не стандартное, импонировавшее нам приветствие "Здорово, орлы!", с увлечением читали рекомендованную им книжку Куна "Мифы древней Греции", списывали "на спор" классную доску колонками чисел-дат по каждой теме. К большому стыду, память не сохранила его имени. Нам также очень нравилась физическая география и преподавательница Кира Ивановна Беляева, но экономическую географию, отягощённую горами подлежащих запоминанию бесполезных сведений о месторождениях полезных ископаемых, мы не любили. Запомнились учителя: физики - Александр Васильевич Сухарев, полностью оправдывавший свою фамилию, украинской литературы – Алевтина Ивановна Марчук, незаслуженно завышавшая нам оценки, химии - Фёдор Ефимович Кузнецов, немецкого языка - Мария Моисеевна Дыхне, истории - Тамара Иосифовна Трахтенберг, пришедшая к нам прямо со студенческой скамьи, но сразу взявшая класс в руки и научившая нас конспектировать первоисточники, логики - Ольга Неровня, выглядевшая совсем как девочка (как же непросто ей пришлось с нами). Завуч младших классов Исаак Петрович Шульман преподавал у нас историю всего один год, а может быть, и меньше, но запомнился своей эрудицией и умением заразить нас интересом к своему предмету. Намного меньше нам повезло с преподавателем литературы. Большая, неповоротливая, вечно хмурая "русалка" А.В. требовала ни на шаг не отступать от учебника, часто конфликтовала с учениками. Особенное внимание она уделяла ошибкам и отклонениям писателей и поэтов от единственно правильной партийной линии в духе памятных тогда докладов Жданова в области литературы и искусства. Создавалось представление, что русскую и советскую литературу создавали политически безграмотные, недалёкие люди, непонятно за какие заслуги проникшие и в литературу, и в наши учебники. Нас изматывали бесчисленные сочинения (обязательно с эпиграфом, так что следовало дословно зазубрить массу высказываний

знаменитостей к каждой теме), а также бесконечные экзамены. Мы сдавали экзамены в конце каждого учебного года в каждом классе, с 4-го по 10-й, практически по каждому предмету, за исключением разве что физкультуры и военного дела. Бывало, мы сами придумывали эпитафии, приписывая их знаменитостям. Наверное, по привычке я и поместил в этих воспоминаниях эпитафию собственного сочинения.

Раздельное обучение создавало проблемы и для мальчиков, и для девочек. Почти ни у кого не было друзей из "противоположного лагеря".

В старших классах разрешили проводить вечера в школьном зале. Но где взять партнёров для танцев под радиолу? Сверху спустили резолюцию: дружить школами. Нам досталась неподалёку расположенная 21-я женская школа. Ходили в гости на вечера друг к другу, но дружба не получалась.

Только в 1953 - 54 -м, нашем последнем учебном году, раздельное обучение мирно скончалось; в школе, в младших классах появились девочки. Как ни странно, школа не обрушилась, и успеваемость не снизилась. Как бы то ни было, прошли выпускные экзамены. Письменную математику нам пришлось сдавать дважды: после экзамена у кого-то в парте нашли шпаргалку, а наказали весь класс. Так что аттестаты зрелости мы получили позже всех в городе, но результаты были неплохие, было немало медалистов. Многие из нашего класса поступили в вузы и модные тогда военные училища.

Это был первый полный послевоенный выпуск 35-й школы, выпуск проучившихся здесь все 10 лет. В феврале следующего года многие пришли в школу на первый вечер выпускников. Этому событию я посвятил нехитрые, наивные стихи под названием "Школьный зал", извинением которым может послужить разве что юный возраст автора. Как-то так вышло, что тогда мне не удалось их прочитать. Быть может, кто-нибудь из моих одноклассников прочтёт их сейчас.

Мы снова съехались сюда
на нашу радостную встречу,
и нам близка, как никогда,
родная школа в этот вечер.

Здесь принимали мы гостей,
теперь же сами стали ими,
но всё же до мозга костей
мы все остались тут своими.

Разъехались мы кто куда
в географические дали,
но снова слились города
в таком знакомом школьном зале...

Всегда нас, школа, так встречай!
Когда ж наступит час прощанья,
Не скажем мы тебе: "Прощай"
Нет, alma mater, до свиданья

Так сейчас произошёл мой виртуальный возврат к школьному порогу, который через 46 лет после меня переступила моя внучка Лина, проучившаяся в 35-й школе два учебных года. Примерно в то же время я выступал перед старшекласниками школы с небольшим циклом лекций по химии, но этот контакт, к сожалению, не получил продолжения. Мог ли я тогда, в 1954 г., предположить, что почти через полвека после окончания школы я добровольно (!) сяду за домашнее сочинение подназванием, вынесенным в заголовок. **Всё же есть призрачная надежда, что кто-нибудь из моих соучеников прочитает эти воспоминания и захочет откликнуться...**

Памяти выпускника 35-й львовской школы 1954 года выпуска, замечательного артиста театра, кино и телевидения Вадима Бероева

Сосед по парте, просто одноклассник,
куда тебя забросила судьба?
Как ты живёшь, кем стал и где сейчас ты?
Так трудно докричаться до тебя.

Давно повырастали наши дети,
не улицы меж нами, - города,
пороюстраны и... десятилетия.
Висят мои вопросы без ответов.
Простите, я навстречу опоздал.

Сон второй - оптимистический

Как в детстве повзрослеть мечтали мы;
потом не раз - назад вернуться, в детство
Живём мы, словно взяли жизнь взаймы –
на время чьё-то "поносить" наследство.

Привычно годы тают на ходу. Но жизнь не
ими делится на части, а измеряют жизнь,
с собой в ладу, тем, сколько раз захватывало дух
и сердце замирало вдруг от счастья.

Ученик 35 средней школы Адольф Берлин

Моя школа.

**беззастенчивое подражание домашнему сочинению
Адольфа Берлина.**

Толчком к написанию этих записок явилось мое случайное знакомство с сайтом эмигрантов из Львова, основанным Александром Толчинским (он же Саша Львовский), которому к этому времени исполнились семь лет. Решив поискать в интернете информацию о 35 средней школе и узнав что у этой школы во Львове большие проблемы, я совершенно случайно набрал один из адресов предоставленных

поисковой системой и вышел на сайт Александра Толчинского. Сразу бросилась в глаза надпись " 35 школа"...

Вы в праве спросить, почему же меня заинтересовала одна из последних русских школ города Львова ? Отвечаю :

Я Западено Леонид Петрович жил в городе Львове вместе с родителями с 1951 по 1961 год по адресу площадь Воссоединения 14 кв. 5 и учился в 35-й средней школе с 1956 по 1961год. В 1961 году наша семья переехала на постоянное место жительства в город Хмельницкий где я и провел всю свою сознательную жизнь.

Но Львов и 35 школа навсегда остаются одним из самых светлых воспоминаний моей жизни. Я родился в семье военнослужащего. Отец - Западено Петр Аврамович в 1950 году был переведен на службу во Львов. Со Львовом у нашей семьи связаны многие годы жизни и многие воспоминания.

Еще до Великой Отечественной войны в 1939 году железнодорожный батальон, где служил мой отец был в составе войск Советской Армии вступивших на территорию западной Украины. В конце 1939 года батальон находился во Львове и моя мама и старший брат выехали по вызову отца по месту его службы. Во Львове они жили до июня 1941 года. Весной 1941 года железнодорожный батальон, где служил отец находился в полевом лагере в городе Ямполь-Подольском Винницкой области. Отец послал вызов семье во Львов и мама с братом приехали к отцу 15 июня 1941 года. Из всего имущество у мамы был маленький чемоданчик, в котором находились личные документы и фотографии. Все вещи остались во Львове-ведь в конце июня они должны были возвратиться назад . В Ямполье их и застало начало войны. Уже в начале июля 1941 года жены и дети командного состава батальона,которые находились в то время вместе с мужьями в Ямполье были отправлены в эвакуацию. Железнодорожный батальон где служил отец воевал на многих фронтах Великой Отечественной войны и закончил войну в 1945 году в Берлине.

В 1950 году отца перевели на службу из гор. Вязьма во Львов.

И в 1951 году мама вместе со мной вновь приехала во Львов.

В этих записках будет идти рассказ о том времени, когда я пошел в школу. О времени которое предшествовало моим школьным годам я расскажу немного позже. ...

... наступило лето 1956 года и родители записали меня в первый класс школы №35. Маму особенно радовало, что по дороге в школу мне не нужно было переходить улицу-не дай бог попасть под трамвай, или редкую машину несущуюся со страшной скоростью по узким улицам Львова. А так вышел из подъезда дома №14 по площади Воссоединения, повернул направо,затем прошел по тратуару вдоль зданий квартала до следующего угла, затем вновь повернул направо а там до входа в школу рукой подать.

Отец – военный пенсионер,отслуживший 25 лет в рядах вооруженных сил и уволенный на пенсию в звании майора,получал 144 рубля пенсии, но тем не менее мы пошли в магазин и мне купили шикарную школьную форму серого цвета. Еще мне купили школьный ранец из коричневой тисненой кожи и множество предметов необходимых ученику 1-го класса.

Сразу после этих покупок всей семьей пошли в фотографию напротив Катедрального костела и сфотографировались-сначала я а потом все вместе.

И вот наступило 1 сентября 1956 года. Как было трудно было подниматься утром и одевать непривычную одежду-школьную форму брюки, гимнастерку да еще подпоясываться поясом. Но постепенно ко всему привыкаешь, и эта форма будет сопровождать меня до конца пятого класса.

С большим букетом цветов вместе с родителями я гордо шел первый раз в первый класс. Какой это был праздник !

И вот двор школы. Учеников первых классов встречают старшеклассники и отводят во внутренний двор . Там нас распределяют по классам и начинается первая наша школьная линейка.

Директор школы поздравляет всех присутствующих с началом учебного года и объявляет что начиная с 1956 года вводится одиннадцатилетнее школьное образование-но нам,

постутившим в школу в 1956 году повезло - именно наш год учился в школе не одиннадцать, а десять лет - в 1966 году одиннадцатый класс был упразднен и мы закончили школу одновременно с одиннадцатиклассниками .

Директор представляет класных руководителей 1-А женщина, 1-Б- женщина, **1-В (наш класс) -мужчина**, , 1-Г - тоже женщина...

Вам когда нибудь встречался преподаватель младших классов мужчина ? Никогда я больше не видел мужчину-преподавателя младших классов. Звали его

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ

Только его имя и отчество на всю жизнь осталось в моей памяти. На первой школьной фотографии нас 32 человека и Василий Павлович.

Первый наш учитель проучил нас всего полгода - до начала 1957 года, а затем всей школой его провожали на пенсию. В школе было большое торжество и приехали ученики Василия Павловича из тех кто остался в живых. Он начинал свою учительскую деятельность еще в 20-х годах. Но откуда родом был мой первый учитель так и осталось для меня загадкой. И вряд ли я уже узнаю его фамилию

... фотография последних его учеников. Не знаю как это получилось, но фотография запечатлила, что мы смотрим друг на друга - до сих пор помню его насмешливый взгляд.

Уже потом, в шестидесятых годах я узнал, что жена Василия Павловича тоже была учительницей и похоронены они во Львове. Наш 1-в класс находился на первом этаже-предпоследний класс по коридору (в последнем , с решетками на окнах, учился 1-г).

О том, почему стоят решетки на окнах единственного в школе класса я узнал только сейчас из воспоминаний уважаемого Адольфа Берлина-в в мое время старшеклассники нам рассказывали как школьную легенду о том как один ученик выпрыгнул из окна класса прямо на голову директора и после этого на окна последнего класса по коридору первого этажа поставили решетки. Окна нашего класса предпоследние...

Читая воспоминания Адольфа Берлина я вновь окунулся в атмосферу 35 школы того времени школы того времени.

Большинство из того что описано в воспоминаниях сохранилось и в наше время с некоторыми добавлениями.

Некоторые из наших мальчиков уже ходили в форме. Хотя уже в первый день в школе я с удивлением увидел, что школьная форма в нашем классе была только у одного меня.

В магазинах можно было купить учебники и тетради они уже не были таким дефицитом. Но мы тоже начинали писать карандашами в тетрадях правописания и только лучшие в начале второй четверти получили разрешение писать ручкой с чернилами.

На фотографии нас 32 человека, но по фамилиям я помню, к сожалению, только некоторых

Садляк, Копылова, Сеницын, Болин, Кацман, Барабаш, Волкова, Коваль, Павленко, Нудельман, Тростяницын, Полевинок...

Василия Павловича перед Новым 1957 годом проводили на пенсию и после зимних каникул у нас появилась новая учительница - Тыртова Валентина Михайловна. Она учила нас до конца третьего класса, затем когда ее мужа-военного перевели на другое место службы уехала вместе с ним. Так получилось, что классных фотографий, а нас фотографировали в конце каждого учебного года, не сохранилось, и я не могу показать как выглядела Валентина Михайловна.

Перед окончанием первого класса отличников и хорошистов наградили подарками от имени школы-детскими книжками с подписями директора и классного руководителя-эта школьная традиция сохранялась все время, пока я учился в школе.

Второй класс запомнился прежде всего тем, что в школах вновь ввели звание октябрят. Но фабричных штампованных октябрюшечек еще не выпускали, и на родительском собрании нашим родителям было предложено сделать звездочки своими силами- вырезать звездочки из картона, обтянуть их красной материей и в центре прикрепить значок с барельефом Ленина. Администрация школы закупила такие значки и раздала по классам-это были одинаковые значки которые отличались только фоном и во 2 А классе у значков был красный фон, во 2 Б-синий, у нас во 2 В -зеленый и во 2 Г-желтый.

У наших звездочек уже через пару недель ношения загибались и ломались лучи и приходилось делать новые звездочки, но с какой гордостью мы их носили !

На фотографии выступление октябрят 2-го В класса на сцене городского дома офицеров. слева направо **1-я Романюк, 2-я Копылова, 4-я Кацман, 5-й Барабаш, 6-я Наливкина, 7-я Волкова, 8-й Западенко, 9-я Коваль.**

Незаметно прошел еще один школьный год и в третьем классе чтобы чем-то занять нас после уроков в подвале школы освободили помещение и организовали кружок выпиливания для учеников младших классов. Занятия проводились два-три раза в неделю. Кружок просуществовал до конца четвертого класса.

Перед Новым годом в третьих классах организовывали большой вечер сказок. Третьи классы со во главе со своими классными руководителями выбирали сказки, учили текст и делали костюмы.

В нашем классе выбрали сказку "Кот, петух и лиса". Уже после нового 1959 года с этой сказкой мы выступали в разных местах Львова.

Фотографии сделаны в вестибюле кинотеатра «Коперника» перед одним из сеансов.

Слева направо кот - Римма, пес- Барабаш, снегурочка-Копылова, лиса-Белоусова, медведь-Полевинок, заяц- Коваль, петух-Западенко,

4-й класс 1959-1960 годы. Это был особый год в жизни школы.

Уже с начала сентября и до нового года вся школа готовилась к открытию сразу двух классов-музеев Александра Марченко и Ленина.

Все классы собирали материалы, делали модели и стенды с фотографиями. Для музея Марченко освободили класс на третьем этаже школы-вынесли парты и разместили экспонаты.

Гипсовую статую Марченко школе подарил скульптор, который сделал скульптуру установленную в то время на родине Александра Марченко. Это была модель настоящей скульптуры. По этой модели отливался оригинал из бронзы.

Модель танка подарили шефы из танковой части.

Документы собирали многие учителя - одна из них была Галина Михайловна Волошина.

23 февраля 1960 года в школе было торжественное открытие музея Александра Марченко. На открытие приехали сестра Марченко, его сослуживцы и однополчане, В актовом зале было большое торжественное собрание. На собрании в качестве почетного гостя была приглашена популярная в то время во Львове писательница Златослава Каменкович

как раз в то время во Львове большим тиражем была издана ее книга "Тайна Высокого замка."

Все участники собрания получили эту книгу с автографом писательницы.

Об этом событии в газете "Львовская правда" была заметка с фотографией. Экземпляр газеты хранился у Галины Михайловны Волошиной и когда она в 1964 году была у нас в гостях в гор. Хмельницком

я перефотографировал заметку в той газете. Конечно фотография любительская...

Газета "Львовская правда" от 24 февраля 1960 года.

Чудова думка виникла в учнів 35-ї львівської середньої школи

створити кімнату-музей Олександра Марченко який при визволенні від гітлерівських загарбників нашого міста підняв над ним Червоний прапор і загинув смертю героя. Довгий час учні любовно збирали експонати документи фотознімки свідків військових друзів Олександра. Велику допомогу надала сестра О.Марченко, яка живе у Львові, герой Радянського Союзу Ф.Сурков та інші. Вчора в день 42-роковин Радянської Армії було урочисто відкрито кімнату-музей. Тут на стендах у вітринах експонується багато зібраних матеріалів. Вони розповідають про створення Уральського добровільного танкового корпусу, у складі якого воював Марченко. Відвідувачі бачать фотографії, листи, спогади членів екіпажу про бойовий шлях славетного танкіста. Його гарячу любов до Батьківщини.

На фото вчителька Г.М.Волошина розповідає учням у кімнаті-музеї про життя О.Марченка.

Операторы Львовского телевидения сняли видеосюжет об открытии школьного музея и через непродолжительное время нам в школе показали этот видеосюжет.

Музей Ленина открывали 22 апреля. Для него директор школы предоставил свой кабинет. Кроме документов, фотографий, стендов в центре стояла деревянная модель мавзолея Ленина под

стеклянной витриной. Модель сделал столяр школы по фотографиям из разных журналов.

Школе присвоили имя Александра Марченко.

1960-1961 учебный год. Мой последний год учебы в 35 школе. Учеников 5-х классов принимают в пионеры возле памятника Ленину в центре города.

Мы с гордостью носилили наши красные галстуки

Новый 1961 год в актовом зале школы.

Фотография сделана после новогоднего утренника...

К сожалению фамилий не помню ... слева направо стоят пионервожатая, учитель пения, зам. директора школы, старшая пионервожатая представитель шефов. член родительского комитета и завхоз школы.

В конце зимы уже в 1961 году коллектив школы в очередной раз занимает первое место среди школ города и начинает эстафету памяти которая прошла по всем областным центрам Украины и закончилась в Киеве..

Делегация школы едет в Тернополь для передачи эстафеты.

Последняя фотография сделана весной 1961 года недалеко от нашего дома на площади Воссоединения.

В июне 1961 года наша семья переехала на постоянное место жительства в город Хмельницкий, но это уже совсем другая история.

Так в мае 1961 года я распрощался с 35 школой города Львова.

Сон третий - кошмарный

... прошло несколько лет нашей жизни в городе Хмельницкий. За это время я успел поучиться в трех школах-шестнадцатой, пятой и окончить школьный курс в десятой. Успел побывать в сентябре 1963 года в лагере "Артек".

А в 1966 году при новом Радиотехническом заводе, который построили на тогдашней окраине города открыли новое техническое училище в которое я поступил и через год успешно закончил. После окончания училища дали месячный отпуск, и мы с мамой решили навестить наших старых знакомых во Львове. К тому времени я уже освоил фотоаппарат и старался во всех моих поездках брать его собой.

В одном из Львовских магазинов купил болоньевый плащ местного производства и конечно захотел побывать в моей родной 35 школе.

Внешне школа не изменилась, но экспонаты музея Марченко уже находились в другом помещении.

Вдоль противоположной стенки комнаты располагались экспонаты школьного музея Кузнецова-его открыли уже то время когда мы уехали из Львова.

Некоторые экспонаты из многочисленной экспозиции музея Ленина находились в актовом зале школы...

... Это было мое последнее посещение 35 средней школы в далеком 1967 году... .. Как-то незаметно наступила вторая половина 2009 года. Компьютер и интернет дали возможность не выходя из дома побывать где захочется.

Естественно захотелось побывать во Львове, пройтись по его улицам и побывать в моей любимой 35 средней школе.

С предвкушением радостной и долгожданной встречи скачал все упоминания о 35 школе, начал читать, сначала подумал – написать коментарий, а потом решил - зачем?

Это нужно просто читать. Умный поймет, а дурак ...

"Рік 1977. «Вуйки» на сцені школи №35. Усі парти і стіни вбиралень ще до виступу списані іменами кумирів. Незважаючи на категоричну заборону шкільного начальства, «Вуйків» все ж таки привозять під виглядом начебто чилійської групи «Но пасаран!», яка постраждала від репресій піночетівського режиму. Барабанщик «Вуйків», улюбленець львівських дівчат, Хуан Карлос Коцюмбас, аргентинський репатріант, вільно розмовляє іспанською і його захоплено слухають представники адміністрації, піонерські і комсомольські активісти, дарують гостям квіти.

Спочатку «чілійці» грають щось пристойне - латино-американське, але поступово починається важкий рок.

Хтось доповідає на гору, що стався підлий обман і директорка школи, з криками: "Етим націоналістам и мошенникам не место в нашей школе!", вимикає струм, чим викликає справжній бунт серед учнів, Нещасна жінка змушена втікати і замкнутися в учительській до приїзду посиленого наряду міліції".

Ілько Лемко "Львів понад усе" Піраміда 2007 р.

Понеділок, 03 квітня, 2006 року, № 60 (867)

Школа на снарядах

Небезпечний арсенал боєприпасів, виявлений 29 березня час земляних робіт у середньої школи №35 на вулиці Шухевича, 2 у Львові, впродовж двох днів повністю знешкодили.

Як уже повідомляла "Газета", піротехніки спершу відкопали 32 боєприпаси, серед яких були кумулятивні заряди та протипіхотні міни.

Також у землі виявили фаустпатронів. Уже в п'ятницю, 31 березня, піротехнічна група першого аварійно-рятувального загону МНС України з Дрогобича знайшла ще 140 кумулятивних снарядів протитанкових мін, три споряджені диски до кулемета.

У прес-центрі ГУ МНС у Львівській області "Газету" повідомили, що склад боєприпасів, який частково був під

спортивним майданчиком і заходив під фундамент школи, було ще й заміновано двома мінами - розтяжками.

Снаряди знаходилися на глибині до півтора метра й, за оцінками фахівців, були вибухонебезпечними. Очікуваної евакуації мешканців двох прилеглих будинків не відбулося. Рятувальники вирішили, що в цьому немає потреби. Обмежилися тимчасовим відселенням персоналу школи.

Найімовірніше, 1944 року, німці поспішно відступаючи Львова, не встигли ліквідувати або забрати з собою боєприпаси, тому вирішили підступно замінювати будівлю. Міні-склад пролежав у землі більш півстоліття. На асфальтованому спортмайданчику проводили свята 1 вересня й останнього дзвоника.

Виявлений німецький арсенал того ж дня ліквідували у неподалік села Давидів...

Ярослав Іваночко

Львівська Газета 2004-2005.

Теленеделя 10 октября 2009 года

**Маленькая Лолита посыпала пшеном лысины прохожих
Во Львове раскрасила Ленина**

Я не помню точного адреса дома, где жила, - призналась нам певица, когда мы только собирались во Львов. - Помню: проспект Ленина, еще вспоминаю, что на фасаде дома были атланты и кариатиды, внизу - гастроном, а напротив - кафе "Пингвин", куда мы бегали кушать мороженое. А рядом в сквере - памятник Ленину. Фамилия наших соседей по площадке была не то Вишневецкие, не то Вишневские, мы с ними очень дружили.

Сама Лолита любит рассказывать, как однажды разрисовала цветными мелками львовский памятник Ленину, за что была схвачена милиционерами на месте преступления. Бабушку девочки тогда оштрафовали и сделали выговор

Прогуливала школу на кладбище

В школе Лолу помнит лишь 73-летняя Мария Ярославовна Свистунова. Идем в школу №35, где три года училась Лолита. Улица Шухевича, 2. До 1944 года в этом здании располагались суд и тюрьма, а потом стали учить детей.

- К сожалению, весь наш архив уничтожили в 1991 году, - огорчается директор школы Михаил Владимирович, - сожгли и классные журналы, и фотографии. Видимо, так хотели избавиться от любого напоминания о Советском Союзе.

Но старейший преподаватель школы

73-летняя Мария Ярославовна Свистунова

маленькую Лолу все-таки вспомнила. - Бегала очень озорная девочка, заводила всего класса, - говорит она. - Однажды убрали листья во дворе школы, так она кучку листьев подожгла и с ребятами стала прыгать через костер.

Сама же певица признается что частенько прогуливала занятия в школе.

- Тогда я убежала на Лычаковское кладбище и там гуляла. Это старое кладбище, где такие древние и красивые надгробия. Запах прелой листвы и жженных свечек до сих пор у меня ассоциируется с детством. Когда я его слышу, то вспоминаю Львов, школу и кладбище... Эта история началась около месяца назад. Хотя, если задуматься началась она в 1991 году вместе с историей независимого украинского государства - история закрытия школ с русским языком обучения... На сегодняшний день в славном городе Лемберге, который испокон века стоял на перекрестке торговых путей, в маленьком Вавилоне, где много веков подряд отлично уживались армяне и грузины, евреи и поляки, русские и украинцы (да-да, представьте себе, именно так и было), в городе, где 90 000 (девяносто тысяч!) граждан говорят по-русски, русских школ осталось всего пять! И если пустить происходящее в данный момент безобразия на самотек, вскорости останется четыре. Итак, по порядку. В начале апреля один из местных каналов сообщил о том, что среднюю школу №35 с русским языком обучения собираются объединить со школой №6.

Мотивация власть предержащих такова: обе школы заполнены лишь наполовину, а бюджет города не может позволить себе такую роскошь, как содержать две русские школы в центре города, да и не видит в этом, собственно, никакого смысла. Тот факт, что СШ№6 относится к Лычаковскому району, а СШ№35 к Галицкому (центральному) - подробности, которые показались настолько незначительными, что о них и вовсе забыли упомянуть, впрочем, как и о том факте, что наполняемость школы напрямую зависит от отношения к ней РайОНО, ГорОНО и прочих страшных учреждений. А слухи о закрытии 35-й школы роятся в воздухе лет пять, не меньше, и, соответственно, все нормальные родители отдают своих чад в школы с более радужным будущим. Но... есть родители и ненормальные, я отношусь к последним, которые считают, что ребенку будет комфортнее в школе семейного типа, в классе, где учатся 15-20 человек, где педагог имеет возможность уделить на уроке время каждому ученику. Но вернемся к передаче. Всполошенные родители обратились к руководству школы с вопросом, почему нашу школу закрывают, а мы ничего об этом не знаем? и... были ошарашены ответом - руководство школы тоже не в курсе происходящего - его просто забыли предупредить о наполеоновских планах министерства просвещения: никто не удосужился даже письма написать, а в школе медленно, но верно ведутся работы по улучшению условий обучения. Возникает вопрос: для кого стараемся? Сейчас мы активно боремся за права своих детей, ибо имеет место быть вопиющее их нарушение. Давайте называть вещи своими именами: кому-то приглянулось старинное здание в центре города (по слухам, претендентов на него более, чем достаточно - один достойней другого), а пострадают от этого дети. Почему пострадают? Потому что не все родители согласятся на переход в 6-ю, ведь отдавая ребят в 35-ю, они имели на то свои причины, некоторые дети, собственно, перешли из вышеупомянутой 6-й, думается, небезосновательно. Неизвестно, как сложатся отношения между учениками обеих школ, запертых под одной крышей, вряд ли получится как в поговорке "в тесноте, да не в обиде", а главное: пострадают дети-инвалиды, ведь 35-я - единственная школа, принимающая таких детей, здесь учатся (причем очень недурно) ребята с ДЦП, проблемами со слухом, расстройством

нервной системы, родители, получившие от ворот поворот в других школах, приводят отпрысков именно сюда. Что будет с ними? Какова их перспектива? Спецшколы? Ответа на этот вопрос пока нет. Впрочем, как и на многие другие. В школе создан родительский комитет, в задачу которого входит оббивание порогов и челобитие (куда ж без этого). Хотя одной из представительниц этого самого комитета, работающей, кстати, в РайОНО, было без обиняков заявлено, что без нас уже все решили и зря мы тут комедию ломаем. Но складывать лапки мы пока что не собираемся, тем более, что в своей борьбе мы не одиноки - у нас есть замечательные помощники - ребята из Русского Молодежного братства, которые активно встали на нашу защиту, тогда как остальные организации заняли выжидательную позицию - то есть наблюдают, куда качнется маятник, сочувствуют издалека. Мы написали письма об ущемлении прав во все инстанции от районного управления до министерства просвещения, провели пресс конференцию (результат статьи в "Комсомолке в Украине" и "Суботней поште"), пикетировали Горсовет. Конечно, мэр не удостоил нас аудиенции, нам было сказано, что оне отсутствуют, мэрский секретарь просто дверью хлопнул, но пред наши очи был явлен некто из департамента по вопросам просвещения. Из него удалось вытащить, что решение о закрытии еще не принято (этим объяснили то, что школьное руководство не в курсе - гораздо проще сообщить о решении постфактум, когда рыпаться уже совсем поздно), а мотив у закрытия всего один: содержание одного ученика в такой маленькой школе, как наша, обходится неимоверно дорого. Внимание вопрос: каждый ребенок в школе занимает одно рабочее место, пользуется одним комплектом учебников, которым что до него, что после пользуются другие, ученик младшей школы кроме этого съедает один законный бесплатный завтрак, учителя получают зарплату за количество отработанных часов, так почему дороже? В чем же мы виноваты? В том, что в школу, судьба которой висит на волоске, по этой самой причине очень неохотно отдают детей? И опять ответа нет. Так скажите, пожалуйста, почему СШ№35, где учатся представители самых разных национальностей, где работают педагоги высшей категории, должна умереть, пав жертвой местечковых интриг? Закрытие 35-й школы станет позором для города! Эту школу

закончил мой дядя, которому сейчас уже 72 года, в ней училась я, а теперь учится мой старший сын, и я очень надеюсь, что в следующем году мой младший сын переступит порог именно этой школы.

фото с пикета. Автор eredraen

11 Июль 2008 г. Судьба 35-й школы под вопросом

Из заслуживающего доверие источника источника поступила информация о том, что принято решение о расформировании Львовской средней школы № 35, здание которой якобы хотят отдать под колледж или что-то в этом роде. Напомню, что 35-ая школа с русским языком обучения находится в центре города на улице Шухевича (быв. Бехтерева), 4. Учитывая то, что данную школу закончили мои дети меня этот вопрос заинтересовал, так как, на мой взгляд, иначе как ущемление прав русскоязычного населения Львова данные действия расценивать нельзя. Эту школу в своё время закончили Анжелика Варум и Лолита Милявская. Может быть скандальное выступление этой самой Лолиты в Одессе, когда она нелицеприятно выразилась в отношении всего украинского, и послужило решающим фактором принятия такого решения? Улица Бехтерева, переименованная в честь Владимира Шухевича, не агента абвера, который за участие в зачистке Львова от евреев был награждён Железным крестом, а украинского этнографа и фольклориста, т.е. вполне порядочного человека.

Дом № 4 - школа. Центральный вход закрыт.

Вход со двора

Вид школы, конечно, не вызывает эстетического удовольствия. **Российское консульство могло бы, конечно, оказывать более существенную поддержку своим соотечественникам за рубежом. Да и Израиль тоже мог бы больше заботиться о своих будущих гражданах.**

Двор школы. Впечатления те же.

Возле центрального входа всё ещё висит табличка, указывающая, что за дверью находится школа №35, что несколько успокаивает

С другой стороны не видно ни одного объявления о наборе учеников, что настораживает, ведь сейчас самое время для оформления документов.

Автор: Михалыч на 11:45

2008

35 школа. Твои стены помнят поименно тысячи советских школьников учившихся здесь. Им не было числа ...

И одним из них был я наивный мальчик с Львовской площади Воссоединения начала второй половины XX века.

Львов 1954 год сад монастыря Бернардинов

Конец 2009 года гор.Хмельницкий